

Содержание

Глава 1. Возвращение Утопии	7
Глава 2. Почему нам следует раздавать всем бесплатные деньги	33
Глава 3. Конец бедности	61
Глава 4. Удивительная история о президенте Никсоне и его проекте закона о базовом доходе	89
Глава 5. Новые цифры новой эры	115
Глава 6. Пятнадцатичасовая рабочая неделя	143
Глава 7. Почему не стоит быть банкиром	171
Глава 8. Наперегонки с машиной	197
Глава 9. За воротами Страны изобилия	225
Глава 10. Как идеи меняют мир	259
Эпилог	281
Примечания	295
Благодарности	353
Об авторе	355

Возвращение Утопии

Давайте начнем с небольшого урока истории. Раньше все было хуже.

Грубо говоря, на протяжении 99% мировой истории 99% людей были бедными, голодными, грязными, напуганными, тупыми, больными и некрасивыми. Совсем недавно, в XVII в., французский философ Блез Паскаль (1623–1662) описывал жизнь как грандиозную юдоль скорби: «Величие человечества в том, — писал он, — что оно знает о своей ничтожности». Философ из Британии Томас Гоббс (1588–1679) тоже считал, что человеческая жизнь в основном «одинокa, бедна, гадка, груба и коротка».

Но за последние 200 лет — крохотную долю того времени, что наш вид существует на планете, — все изменилось. Миллиарды из нас внезапно оказались в безопасности, стали богатыми, сытыми, умными, здоровыми, а порой даже и красивыми. Тогда как в 1820 г. 84% мирового населения все еще жили в крайней нищете, к 1981-му этот показатель снизился до 44%, а сегодня, всего несколько десятилетий спустя, он не превышает 10%¹.

Если такая тенденция сохранится, крайняя нищета, прежде неизменная составляющая жизни, скоро будет искоренена навеки. Даже те, кого мы все же причислим к беднякам, станут наслаждаться небывалым в мировой истории изобилием. В Нидерландах, стране, в которой я живу, у любого бездомного, получающего социальную помощь, больше денег, чем было у среднего голландца в 1950 г., и вчетверо больше, чем у людей славного Золотого века Голландии, когда наша страна еще правила семью морями².

На протяжении веков время будто стояло на месте. Конечно, происходило много такого, о чем теперь пишут в книгах по истории, но жизнь никак не становилась лучше. Если бы с помощью машины времени мы перенесли итальянского крестьянина из 1300 г. в Тоскань 1870-го, он не заметил бы особой разницы.

По оценкам историков, на рубеже XIII и XIV вв. ежегодный доход в Италии составлял примерно \$1600. Примерно 600 лет спустя — после Колумба, Галилея, Ньютона, научной революции, Реформации и Просвещения, изобретения пороха, печатного станка и паровой машины — он составлял... все те же \$1600³. Шестьсот лет цивилизации, а средний итальянец оставался в общем-то там же, где всегда и был.

Лишь около 1880 г., приблизительно в то время, когда Александр Белл изобрел телефон, Томас Эдисон запатентовал свою электрическую лампочку, Карл Бенц возился со своим первым автомобилем, а Джозефина Кокрейн

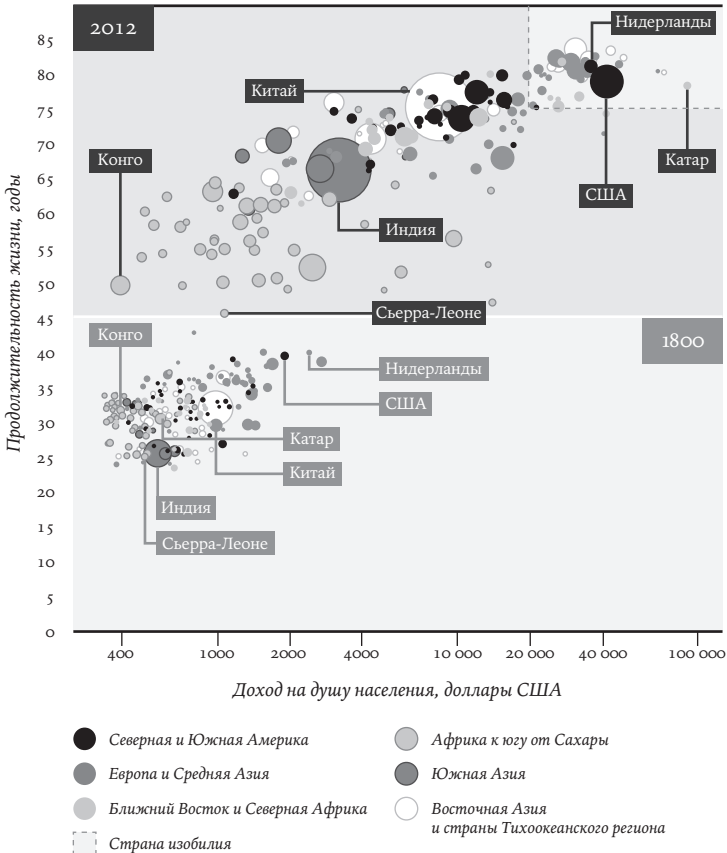

Рис. 1. Два столетия изумительного прогресса

На эту диаграмму полезно взглянуть повнимательнее. Кругами обозначены разные страны: чем крупнее круг, тем больше численность населения. В нижней половине показаны страны в 1800 г.; в верхней — они же в 2012-м. В 1800 г. продолжительность жизни даже в самых богатых странах (Нидерландах и США) была меньше, чем в 2012 г. в Сьерра-Леоне, стране с самыми низкими показателями здоровья. Иными словами, в 1800 г. здоровье и благосостояние во всех государствах находились на низком уровне, и сегодня даже Центральная Африка обходит

в этом отношении богатейшие страны 1800 г. (несмотря на тот факт, что доходы в Конго почти не изменились за последние 200 лет). На самом деле все больше стран становятся Странами изобилия (в правом верхнем углу диаграммы), где средний доход достигает \$20 000, а продолжительность жизни — свыше 75 лет.

Источник: Gapminder.org

размышляла о, возможно, самой великолепной идее всех времен — посудомоечной машине, — волна прогресса подхватила нашего итальянского крестьянина. И как скоро все менялось! Последние два столетия характеризуются взрывным ростом как населения, так и благосостояния во всем мире. Сейчас доход на душу населения в десять раз выше, чем в 1850 г.; средний итальянец в 15 раз богаче, чем в 1880-м. А глобальная экономика? Она выросла в 250 раз по сравнению с эпохой до промышленной революции, когда почти все и везде оставались бедны, голодны, грязны, испуганны, тупы, больны и уродливы.

Средневековая Утопия

В прошлом определенно жилось нелегко, и неудивительно, что люди мечтали о лучших временах.

Самой яркой мечтой была благодатная страна под названием Кокань. Чтобы добраться туда, следовало проесть в рисовом пудинге дорогу длиной три мили. Но усилия стоили того, потому что, прибыв в Кокань, вы оказывались в стране винных рек, где над головой летают

жареные гуси, на деревьях растут блины, а с неба проливаются дожди из горячих пирогов и печенья. Фермер, ремесленник, священник — здесь все равны и вместе отдыхают на солнышке.

В Кокани, Стране изобилия, люди никогда не спорят. Вместо этого они танцуют на вечеринках, пьют и спят с кем попало.

«Для средневекового ума, — пишет голландский историк Герман Плей, — современная Западная Европа довольно похожа на настоящую Кокань. Здесь есть кругло-суточный фастфуд, климат-контроль, свободная любовь, доход без труда и пластическая хирургия, продлевающая молодость»⁴.

Сегодня на свете больше людей страдают от ожирения, чем от голода⁵. Количество убийств в Западной Европе в наши дни в среднем в 40 раз меньше, чем в Средние века, и, если вы гражданин одной из западноевропейских стран, вам гарантирована внушительная социальная защита⁶.

Возможно, это также и наша самая большая проблема: давняя средневековая мечта об утопии почти исчерпала себя. Конечно, мы могли бы потреблять еще чуть больше и сделать жизнь чуть безопаснее, но тогда неблагоприятные последствия — загрязнение, ожирение, ограничение прав и свобод — проявились бы еще сильнее. Для средневекового мечтателя Страна изобилия была воображаемым раем, «бегством от земных страданий», как говорит Герман Плей. Но если бы мы попросили того же

итальянского фермера из 1300 г. описать наш современный мир, его первой мыслью, без всяких сомнений, была бы мысль о Кокани.

На самом деле мы живем в эпоху, когда сбываются библейские пророчества. То, что в Средние века показалось бы чудом, сегодня — обыденность: слепым возвращают зрение, калеки могут вновь начать ходить, а мертвые — вернуться к жизни. Возьмите *Argus II*, мозговой имплант, который в некоторой степени возвращает зрение людям с генетическими заболеваниями глаз. Или *Rewalk* — роботизированные ноги, дающие парализованным возможность снова ходить. Или же лягушки *Rheobatrachus* — они вымерли в 1983 г., но австралийские ученые буквально вернули их к жизни с помощью ДНК. Воссоздание тасманийского волка еще одна цель этой команды исследователей в рамках проекта «Лазарь», названного в честь новозаветной истории о воскрешении.

Тем временем научная фантастика становится научным фактом. На дорогах появляются первые автомобили без водителей. Уже сегодня 3D-принтеры целиком воспроизводят эмбриональные клеточные структуры, а люди с имплантированными в мозг чипами силой мысли управляют роботизированными руками. По некоторым сообщениям, с 1980 г. цена одного ватта солнечной энергии упала на 99%, и это не опечатка. Если нам повезет, то 3D-принтеры и солнечные панели могут и без кровавой революции воплотить мечту Карла Маркса о контроле масс над всеми средствами производства.

Долгое время Страна изобилия была открыта лишь для элитарного меньшинства из богатого Запада. Эти дни позади. С тех пор как Китай впустил к себе капитализм, 700 000 000 китайцев выбрались из крайней бедности⁷. Африканский континент тоже быстро избавляется от репутации зоны экономической разрухи; ныне здесь находятся шесть из десяти самых быстрорастущих экономик мира⁸. К 2013 г. шесть миллиардов человек из семимиллиардного населения планеты имели мобильный телефон. (Для сравнения: лишь у четырех с половиной миллиардов был туалет⁹.) С 1994 по 2014 г. число людей, имеющих доступ в интернет, подскочило с 0,4 до 40,4%¹⁰.

Здоровье — возможно, главное из того, что люди надеялись обрести в Стране изобилия, и в этой сфере современный прогресс превзошел самые смелые фантазии наших предков. В то время как богатые страны вынуждены удовлетворяться увеличением средней продолжительности жизни на два дня в неделю, Африка получает четыре дополнительных дня в неделю¹¹. Во всем мире продолжительность жизни выросла с 64 лет в 1990 г. до 70 в 2012-м¹², что вдвое выше показателя 1900 г.

Количество голодающих тоже упало. В нашей Стране изобилия мы, может, и не поймает жареного гуся в небе, но число людей, страдающих от недоедания, сократилось более чем на треть с 1990 г. Доля людей, потребляющих с пищей менее 2000 калорий в день, снизилась с 51% в 1965 г. до 3% в 2005-м¹³. С 1990 по 2012 г. более

2,1 млрд людей наконец-то получили доступ к чистой питьевой воде. За тот же период число детей с задержками роста снизилось на треть, детская смертность сократилась на невероятные 41%, а женщины стали вдвое реже умирать при родах.

А как насчет болезней? Кошмарная оспа, массовый убийца номер один в истории, совершенно уничтожена. Практически исчез полиомиелит: в 2013 г. он поразил на 99% человек меньше, чем в 1988-м. Все больше детей подвергается вакцинации от прежде повсеместно распространенных заболеваний. К примеру, уровень привитости от кори во всем мире вырос с 16% в 1980 г. до 85% сегодня, и количество смертей в результате этой болезни сократилось на три четверти с 2000 по 2014 г. По сравнению с 1990 г. люди умирают от туберкулеза примерно вдвое реже. Уровень смертности от малярии снизился с 2000 г. на четверть, и то же самое произошло с показателем смертности от СПИДа после 2005-го.

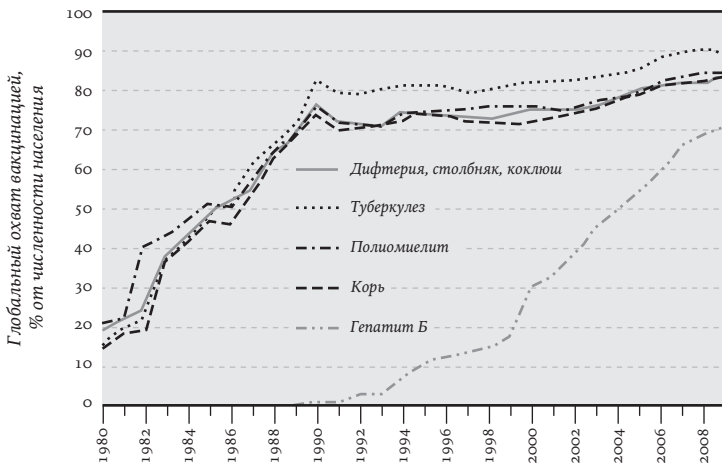
Некоторые цифры неправдоподобно хороши. Например, 50 лет назад каждый пятый ребенок умирал, не дожив до своего пятилетия. Сегодня — один из двадцати. В 1836 г. богатейший человек в мире, Натан Майер Ротшильд, умер просто из-за отсутствия антибиотиков. В последние десятилетия дешевые как грязь вакцины от кори, столбняка, коклюша, дифтерии и полиомиелита спасли больше жизней, чем унесли войны XX в.¹⁴

Очевидно, еще многие болезни только предстоит победить, например рак, но даже на этом фронте мы

делаем успехи. В 2013-м престижный журнал *Science* сообщил об обнаружении способа направить иммунную систему на борьбу с опухолями, расценив это открытие как крупнейший научный прорыв года. В том же году мы узнали о первой успешной попытке клонировать стволовые клетки человека — достижении, которое может стать важным шагом на пути к лечению митохондриальных заболеваний, в том числе одной из форм диабета.

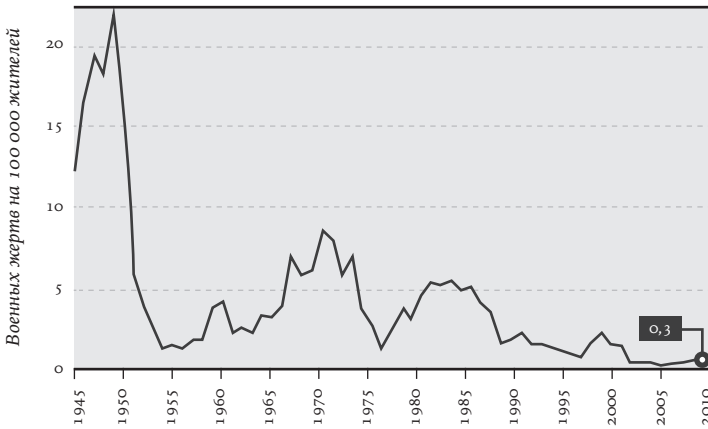
Некоторые ученые даже утверждают, что уже родился человек, который сможет отпраздновать свой тысячный день рождения¹⁵.

И все это время мы умнеем. В 1962 г. аж 41% детей не ходило в школу, а сегодня — менее 10%¹⁶. В большинстве

Источник: Всемирная организация здравоохранения

Рис. 2. Победа вакцин

Источник: Институт исследования мира, Осло

Рис. 3. Войн становится меньше

стран средний IQ каждые десять лет вырастает на три-пять пунктов, главным образом благодаря улучшающемуся питанию и образованию. Возможно, этим объясняется то, что мы теперь гораздо более цивилизованны: последнее десятилетие было самым мирным за всю мировую историю. Согласно Институту исследования мира в Осло, ежегодное число жертв войны снизилось на 90% с 1946-го. Убийства, грабежи и прочие преступления совершаются уже не так часто, как раньше.

«В богатом мире уровень преступности постоянно падает, — не так давно писали в *Economist*. — Преступники по-прежнему существуют, но их все меньше, и они становятся все старше»¹⁷.

УНЫЛЫЙ РАЙ

Иными словами, добро пожаловать в Страну изобилия.

В хорошую жизнь, где почти все богаты, здоровы и надежно защищены. Где недостает лишь одного: причины вылезать поутру из постели. Потому что в конечном итоге рай нельзя сделать лучше. Еще в 1989 г. американский философ Фрэнсис Фукуяма отметил, что наступила эра, когда жизнь сводится к «экономическим расчетам, бесконечному решению технических проблем, экологическим соображениям и удовлетворению многообразных и усложненных потребительских требований»¹⁸.

Подъем нашей покупательной способности еще на один процентный пункт, сокращение углеродных выбросов, какая-нибудь техническая новинка — вот примерно и весь наш кругозор. Мы живем в эру материального благополучия и сверхизобилия, но как она уныла. Нет «ни искусств, ни философии», — пишет Фукуяма. Все, что осталось, — «постоянный уход за музеем человеческой истории».

Согласно Оскару Уайльду, по достижении Страны изобилия мы должны вновь устремить взгляд к далекому горизонту и поднять наши паруса. «Прогресс — это воплощение Утопий», — писал он. Но далекий горизонт пуст. Страна изобилия окутана туманами. Именно теперь, когда мы должны бы взяться за историческую задачу наполнения нашего богатого, безопасного и здорового существования смыслом, мы похоронили утопию. У нас нет новой мечты ей на замену, поскольку мы не можем

вообразить лучшего мира, чем тот, что у нас уже есть. На самом деле большинство людей в богатых странах полагают, что детям придется хуже, чем их родителям¹⁹.

Но настоящий кризис нашего времени, моего поколения, не в том, что нам плохо или что нам станет хуже в дальнейшем.

Нет, настоящий кризис в том, что мы не можем придумать ничего лучшего.

Программа

В этой книге я не пытаюсь предсказать грядущее.

Я стремлюсь подобрать ключи к будущему. Распахнуть окна нашего разума. Конечно, любая утопия больше рассказывает о времени, когда она была написана, чем о предстоящей реальности. Утопическая Страна изобилия раскрывает, какой была жизнь в Средние века: мрачной. Или, вернее, она была мрачной почти у всех почти везде почти всегда. В конце концов, в каждой культуре есть свой вариант Страны изобилия²⁰.

Простые мечты рождают простые утопии. Голодный грезит о роскошном банкете. Замерзший — о жарком огне. Перед лицом надвигающейся немощи мечтают о вечной юности. Все эти мечты отражены в утопиях, возникших тогда, когда жизнь была тяжелой, жестокой и короткой. «Тамошняя земля не породила ничего ужасного, там нет болезней, — фантазировал греческий поэт Телеклид

в V в. до н. э., — и если что-нибудь нужно, то оно просто появляется. Каждый ручеек течет вином... Рыба сама приходит к вам домой, жарится и ложится на стол»²¹.

Но прежде чем двигаться дальше, давайте сначала проведем грань между двумя формами утопической мысли²². Первая — это наиболее известная утопия-программа. Такие великие мыслители, как Карл Поппер и Ханна Арендт, и даже целое течение философии, постмодернизм, критиковали утопию такого рода. Они по большей части преуспели; последнее слово в оценке запрограммированного рая по-прежнему остается за ними.

Утопия-программа представляет собой не абстрактные идеи, а неизменные правила, не терпящие отклонений. Хороший пример — «Город солнца» (1602) итальянского поэта Томмазо Кампанеллы. В стране, описанной в этой утопии или, скорее, антиутопии, личная собственность строго запрещена, каждый обязан любить каждого, а драки караются смертью. Частная жизнь, включая производство потомства, контролируется государством. Например, умным людям можно спать только с глупыми, а толстым — с худыми. Все силы направлены на выковку золотой середины. Более того, за каждым человеком следит обширная сеть осведомителей. Нарушителей побивают камнями, но прежде их убеждают признать свою порочность и согласиться на собственную казнь.

Оглядываясь назад, всякий читатель книги Кампанеллы увидит в ней холодящие кровь намеки на фашизм, сталинизм и геноцид.

Задавая правильные вопросы

Однако помимо утопии-программы, которую можно сравнить с фотографией высокого разрешения, есть и другой вид утопии, почти всеми забытый: утопия, лишь приблизительно намечающая контуры. Она предлагает не готовые решения, а вехи на пути. Не пытаясь втиснуть нас в какие-либо рамки, такая утопия вдохновляет на перемены. И она понимает, что, как говорил Вольтер, лучшее — враг хорошего. По словам одного американского философа, «любому серьезному утопическому мыслителю станет неуютно от самой мысли о программе»²³.

Книга британского философа Томаса Мора (от названия которой и произошло слово «утопия») была именно такой — не программой, которую следовало неукоснительно реализовывать, а, скорее, обличением алчной аристократии, требующей для себя все больше роскоши, в то время как обычные люди жили в крайней нищете.

Мор понимал, что принимать утопию *слишком* всерьез может быть опасно. «Нужно уметь страстно верить, но в то же время видеть абсурдность собственных взглядов и смеяться над ними», — замечает философ и ведущий эксперт по утопиям Лаймен Тауэр Сарджент. Подобно юмору и сатире, утопии распахивают окна разума, и это крайне важно. Постепенно старея, люди и общество привыкают к существованию в условиях, когда свобода может стать тюрьмой, а истина — ложью. Наше нынешнее кредо — или, хуже, вера в то, что верить больше

не во что, — не позволяет нам разглядеть несправедливость и недалёковидность, по-прежнему окружающие нас каждый день.

Приведу несколько примеров: почему с 1980-х мы работаем все больше, хотя зажиточны как никогда прежде? Почему миллионы людей все еще живут в бедности тогда, когда нашего богатства более чем достаточно, чтобы покончить с нуждой раз и навсегда? И почему более 60% нашего дохода зависят от того, в какой стране нам довелось родиться?²⁴

Утопии не дают готовых ответов и, уж тем более, решений. Но в них задаются правильные вопросы.

Разрушение великого нарратива

Сегодня, к сожалению, для того чтобы начать мечтать, нам сначала нужно очнуться. Как гласит расхожая фраза, мечта может обернуться кошмаром. Утопии — рассадник раздоров, жестокости и даже геноцида. Они в конце концов становятся антиутопиями; на самом деле утопия *и есть* антиутопия. «Прогресс человечества — миф» — еще одно клише. И все же мы сумели построить средневековый рай.

Действительно, история полна ужасающих форм утопизма, таких как фашизм, коммунизм, нацизм. Кроме того, почти каждая религия породила секты фанатиков. Но если один религиозный радикал подстрекает

к жестокости, следует ли нам автоматически отвергать религию? Зачем же отказываться от утопизма? Стоит ли вообще переставать мечтать о лучшем мире?

Конечно же нет. Но именно это и происходит. Оптимизм и пессимизм стали синонимами соответственно потребительской уверенности и ее отсутствия. Радикальные идеи о другом мире в буквальном смысле почти невысказуемы. Ожидания относительно того, чего мы как общество можем достигнуть, подверглись кошмарной эрозии, обнажив холодную, жесткую правду о том, что без утопии нам остается технократия. Политика превратилась в управление задачами. Избиратели кочуют из одного политического лагеря в другой не из-за существенных различий между партиями, а потому, что партии стали почти неотличимы и единственный вопрос, по которому правые расходятся с левыми, касается необходимости повышения или снижения налогов на 1–2%²⁵.

Мы встречаем это в журналистике, изображающей политику как игру, ставка в которой — карьера, а не идеалы. Это видно в академической среде, где все слишком заняты сочинением собственных трудов, чтобы читать, и слишком озабочены их изданием, чтобы дебатировать. На самом деле университеты в XXI в. больше всего похожи на заводы — как и наши больницы, школы и телевидение. Все ради достижения целей. Качество медленно, но верно становится менее значимым, чем количество, в процессе роста экономики, доли аудитории и числа публикаций.

И движущая сила всего этого — так называемый либерализм, совершенно выхолощенная идеология. Теперь важно «просто быть собой» и «действовать согласно своим интересам». Может, свобода и высший идеал, но наша свобода стала пустой. Наш страх перед морализаторством сделал мораль темой, запретной в общественном обсуждении. В конце концов, публичное поле должно быть «нейтральным», — и при этом никогда оно не было таким патерналистским. На каждом углу нас ожидают приманки — и, заглотив наживку, мы начинаем выпивать, кутить, брать в долг, покупать, маяться, напрягаться и обманываться. Что бы мы ни говорили себе о свободе слова, наши идеалы подозрительно близки к ценностям, продвигаемым именно теми компаниями, которые могут оплатить рекламу в прайм-тайм²⁶. Обладай какая-либо политическая партия или религиозная секта хотя бы малой долей влияния, оказываемого на нас и наших детей рекламной индустрией, мы бы уже давно схватились за оружие. Но это рынок, и поэтому мы остаемся «нейтральными»²⁷.

Сегодня единственное, что остается государству, — латать дыры. Если кто-то ведет себя не так, как надлежит послушному, спокойному гражданину, существуют силы, которые с радостью вправят ему мозги. Какими способами они это сделают? С помощью контроля, наблюдения и репрессий.

Тем временем социальное государство все меньше сосредоточивается на причинах нашего беспокойства

и все больше — на его симптомах. Мы отправляемся к врачу, когда больны, к психотерапевту — когда нам грустно, к диетологу — когда слишком много весим, в тюрьму — когда осуждены, к консультанту по поиску работы — когда лишились места. Все эти услуги стоят больших денег, но мало что дают. В США, где медицинское обслуживание — самое дорогое в мире, ожидаемая продолжительность жизни для многих на самом деле *снижается*.

Тем временем рынок и коммерсанты наслаждаются полной вседозволенностью. Пищевая промышленность пичкает нас дешевой дрянью с избытком соли, сахара и жира, живо отправляя нас к врачам и диетологам. Технологические прорывы уничтожают все больше рабочих мест, отправляя нас на поиски работы. Индустрия рекламы призывает нас тратить деньги, которых у нас нет, на ненужный нам хлам, для того, чтобы впечатлить людей, которых мы терпеть не можем²⁸. Поплакать по поводу всех этих неприятностей можно на плече у психотерапевта.

В такой антиутопии мы сегодня и живем.

Избалованное поколение

Но следует еще раз подчеркнуть: не то чтобы нам плохо жилось. Вовсе нет. Нынче, если дети от чего и страдают, так это от чрезмерной изнеженности. Согласно

результатам подробного исследования Джин Твендж — психолога из Университета штата Калифорния в Сан-Диего, которая изучает настроения молодежи в прошлом и настоящем, — с 1980-х гг. наблюдается резкое повышение самооценки юного поколения. Оно считает себя более умным, ответственным и как никогда привлекательным.

«Каждому ребенку этого поколения говорили: “Ты можешь быть кем хочешь. Ты особенный”», — поясняет Твендж²⁹. Нас растили, непрестанно подкармливая наш нарциссизм, но все больше среди нас таких, кто, выйдя в большой взрослый мир неограниченных возможностей, ломается и сгорает. Оказывается, что мир холоден и груб, в нем приходится конкурировать и не хватает рабочих мест. Это не Диснейленд, где можно загадать желание на падающую звезду и тогда все твои мечты сбываются; это крысиные бега, и здесь некого винить, кроме себя самого, если ты не пройдешь отбор.

Неудивительно и то, что за нарциссизмом скрывается океан неуверенности. Твендж также обнаружила, что за последние несколько десятилетий мы стали больше бояться. На основании результатов 269 исследований, проведенных с 1952 по 1993 г., она заключила, что в Северной Америке ребенок начала 1990-х был в среднем тревожнее, чем пациенты психиатров в начале 1950-х³⁰. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, депрессия — сегодня самый серьезный недуг среди подростков и станет причиной недомоганий номер один в мире к 2030 г.³¹

Это замкнутый круг. Никогда прежде столько молодых не посещало психиатра. Никогда прежде столько людей не сгорало на работе. И мы щелкаем антидепрессанты в небывалых количествах. Снова и снова мы возлагаем на личность вину за всеобщие проблемы вроде безработицы, неудовлетворенности и подавленности. Если успех — это выбор, то и ошибка — тоже выбор. Потерял работу? Нужно было лучше работать. Заболел? Следовало вести более здоровый образ жизни. Несчастен? Съешь таблетку.

В 1950-х гг. лишь 12% молодых взрослых соглашались с утверждением: «Я — очень особенная личность». Сегодня с этим согласны 80%³², тогда как на самом деле мы становимся все более одинаковыми. Все мы читаем одни и те же бестселлеры, смотрим одни и те же блокбастеры, носим одни и те же кроссовки. Там, где наши деды еще удерживали позиции, заповеданные семьей, церковью и обычаями, нас теснят СМИ, маркетинг и патерналистское государство. И хотя между нами все больше сходства, мы уже давно миновали эру больших коллективов. Число церковных приходов и профсоюзов снизилось, и традиционное деление на правых и левых уже мало что значит. Нас заботит только «решение задач», как будто проведение политики можно доверить консультантам по менеджменту.

Конечно, есть и те, кто старается возродить прежнюю веру в прогресс. Разве удивительно то, что культурным архетипом моего поколения является Nerd*, чьи программы

* Умник, ботаник, компьютерщик (англ.). — Прим. пер.

и устройства символизируют надежду на экономический рост? «Лучшие умы моего поколения думают над тем, как добиться, чтобы люди кликали по рекламе»³³, — посетовал недавно бывший успешный математик, ныне работающий на Facebook.

Но следует избегать неверного понимания: хотя именно капитализм открыл врата Страны изобилия, одного капитализма для ее сохранения недостаточно. Прогресс и экономическое процветание стали синонимами, но в XXI в. нам придется найти другие способы повышать качество жизни. И пускай молодежь Запада в большинстве своем выросла во времена аполитичной технократии, нам все равно придется вернуться к политике для того, чтобы отыскать новую утопию.

В этом смысле меня воодушевляет наша неудовлетворенность, так как неудовлетворенность — далеко не безразличие. Повсеместная ностальгия, тоска по такому прошлому, каким оно на самом деле никогда не было, говорит о том, что у нас все еще есть идеалы, даже если мы и похоронили их заживо.

Истинный прогресс начинается с того, что не по плечу любой экономике знаний: представления о том, что значит «жить хорошо». Мы должны прислушаться к таким великим мыслителям, как Джон Стюарт Милль, Бертран Рассел и Джон Мейнард Кейнс, призывавшим «ценить цель выше средств и предпочитать благо пользе»³⁴. Нам следует устремить наши мысли в будущее. Перестать рачиточать недовольство, участвуя в социологических опросах

и реагируя на поток дурных новостей в СМИ. Подумать об альтернативах и сформировать новые сообщества. Подняться над веяниями времени и осознать объединяющий нас идеализм.

Может быть, тогда мы сможем вновь взглянуть не только на себя самих, но и на мир вокруг нас. Мы увидим, что старый добрый прогресс по-прежнему идет своим путем. Мы увидим, что мы живем в чудесную эру, время отступления голода и войны, роста благосостояния и продолжительности жизни. Но мы увидим и то, сколько нам — богачейшим 10, 5, 1% — еще предстоит сделать.

Возвращение Утопии

Время вернуться к размышлениям об утопии.

Нам нужна новая путеводная звезда, новая карта мира, на которой вновь изображен далекий неисследованный материк — Утопия. Под этим я не имею в виду четкие установки, которыми утопические фанатики пичкают нас вместе со своими теократиями или пятилетними планами и которые лишь превращают людей в рабов пламенных мечтаний. Подумайте вот о чем: слово *utopia* означает «хорошее место» и «небывалое место». Что нам нужно, так это новые горизонты, способные разжечь искру воображения, причем именно «горизонты» во множественном числе: в конце концов, конфликтующие утопии — это живая кровь демократии.

Как всегда, наша утопия начнется с малого. Основу того, что мы сегодня называем цивилизацией, давным-давно заложили мечтатели, каждый из которых выбрал свой собственный путь. Испанский монах Бартоломе де Лас Касас (1484–1566) выступал за равноправие колонистов и коренных жителей Латинской Америки и попытался основать колонию, где было бы удобно и тем и другим. Владелец фабрики Роберт Оуэн (1771–1858) пытался улучшить положение британских рабочих и открыл успешную хлопчатобумажную фабрику, на которой рабочим платили справедливую заработную плату и были запрещены телесные наказания. А философ Джон Стюарт Милль (1806–1873) даже полагал женщин и мужчин равными. (Возможно, это было как-то связано с тем фактом, что его жена принимала участие в создании половины его трудов.)

И все же одно остается несомненным: без этих мечтателей из разных эпох мы и сейчас оставались бы бедными, голодными, грязными, напуганными, больными и уродливыми. Без утопии мы теряем почву под ногами. Не то чтобы настоящее было плохим; напротив. Однако оно удручает, если у нас нет надежды на что-то лучшее. «Человеку для счастья нужны не только наслаждения, но и надежда, и занятие, и перемены»³⁵, — написал однажды британский философ Бертран Рассел. В другой книге он продолжил свою мысль: «Мы должны желать не реализованной утопии, а мира, в котором воображение и надежда живы и деятельны»³⁶.

Деньги лучше бедности хотя бы
по финансовым соображениям.

Вуди Аллен (р. 1935)

Почему нам следует раздавать всем бесплатные деньги

Лондон, май 2009-го. Проводится эксперимент. Испытуемые: 13 бездомных мужчин. Они ветераны улицы. Кто-то из них спал на холодной мостовой Квадратной мили — финансового центра Европы — 40 лет подряд. Траты полиции, судебные издержки и помощь социальных служб — эти 13 нарушителей спокойствия обходились в £400 000 (\$650 000) или более *ежегодно*³⁷.

Городским службам и местным благотворительным учреждениям было трудно справляться с такой нагрузкой. Поэтому «Бродвей», лондонская организация помощи, принимает кардинальное решение: отныне к этим 13 конченным бродягам будут относиться как к VIP-персонам. *Adiós*, ежедневные порции еды по талонам, бесплатные столовые и приюты. Бомжам оказывают весомую и мгновенную поддержку: выдают им деньги просто так.

Говоря точнее, бездомные получают по £3000 на расходы и ничего не делают взамен³⁸. Они сами решают, как потратить деньги. Они могут воспользоваться услугами

консультанта, если пожелают, — а могут и отказаться. Никакого подвоха, никакой уловки³⁹.

Единственное, о чем их спрашивают: «Как *вы* думаете, что вам нужно?»

Уроки садоводства

«Я не ожидал ничего особенного», — вспоминал потом один из социальных работников⁴⁰. Желания же бродяг были в высшей степени скромными. Телефон, словарь, слуховой аппарат — каждый имел свое представление о том, что ему нужно. На самом деле большинство бездомных оказались прямо-таки бережливыми. За год они в среднем потратили всего £800.

Возьмите Саймона: он был зависим от героина 20 лет. Эти деньги перевернули его жизнь. Саймон завязал с наркотиками и записался на занятия садоводством.

«Почему-то моя жизнь впервые пошла на лад, — рассказывал он позже. — Я стал следить за собой, мыться, бриться. Теперь подумываю о том, чтобы вернуться домой. У меня двое детей».

Спустя полтора года с начала эксперимента у семерых из 13 бездомных появилась крыша над головой. Еще двое собирались въехать в собственное жилье. Все 13 предприняли решающие шаги на пути восстановления платежеспособности и личного роста. Они стали посещать разнообразные занятия, учиться готовить, проходить

реабилитацию, встречаться с семьями и строить планы на будущее.

«Он дает людям новые возможности, — сказал один из социальных работников о личном бюджете. — Он дает выбор. Думаю, затея имела смысл». После десятилетий бесплодного подталкивания, вытягивания, помощи, штрафов, судебных преследований и защиты девять завязтых бродяг наконец смогли покинуть улицу. Чего это стоило? Каких-то £50 000 в год вместе с зарплатами соцработникам. Иными словами, этот проект не только помог 13 бомжам, но и позволил существенно снизить связанные с ними расходы⁴¹. Даже *Economist* пришлось заключить, что «возможно, самый действенный способ потратить деньги на бездомных — просто отдать их бездомным»⁴².

Сухие цифры

Бедные не умеют обращаться с деньгами. Таково, кажется, преобладающее мнение; это почти трюизм. В конце концов, умей они правильно распоряжаться своими финансами, с чего бы им оказаться бедняками? Мы полагаем, что неимущие тратят деньги на фастфуд и газировку вместо свежих фруктов и книг. Поэтому для того, чтобы «помочь», мы создали несметное число хитроумных программ поддержки, с бесконечным бумагомаразмом, системами регистрации и армией инспекторов, и все это крутится вокруг библейского принципа: «Если

кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Второе послание к Фессалоникийцам, 3:10). Последние годы правительственная помощь все больше сосредоточивалась на трудоустройстве, от реципиентов требовалось подавать заявления о приеме на работу, участвовать в программах «снова на работу» и обязательная «волонтерская» деятельность. Посыл расхваленного перехода «от пособий к оплачиваемому труду» ясен: «дармовые деньги воспитывают в людях лень».

Только это, судя по наблюдениям, не так.

Знакомьтесь: Бернард Омонди. Годами он получал по \$2 в день, работая в каменоломне в бедной части Западной Кении. Однажды утром ему пришло весьма своеобразное сообщение. «Увидев его, я подпрыгнул», — вспоминал позже Бернард. На его банковский счет только что перевели сумму \$500. Это почти его годовой доход.

Через несколько месяцев в деревню, где проживал Бернард, приехал журналист *New York Times*. Все сельчане будто выиграли в лотерею: деревня была полна наличных. Но их никто не пропивал. Вместо этого люди чинили дома и открывали мелкие предприятия. Бернард вложил свои деньги в новенький индийский мотоцикл и зарабатывал \$6–9 в день извозом. Его доход вырос втрое с лишним.

«У неимущих появляется выбор, — говорит Майкл Фей, основатель GiveDirectly — организации, благодаря которой у Бернарда появились деньги. — И, по правде говоря, я не думаю, что знаю их потребности»⁴³. Фей не дает